

Т.В. УСТИНОВА

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 81'42: 811.111 + 811.161.1

ББК Ш401.35(Эндрюс Б., Драгомощенко А.)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В МЕТАТЕКСТАХ «ЯЗЫКОВЫХ ПОЭТОВ» Б. ЭНДРЮСА И А. ДРАГОМОЩЕНКО

Аннотация. В статье анализируются лингвистические механизмы языковой игры, сопоставляются ее структурные и функциональные свойства в англоязычных и русскоязычных эссе «языковых поэтов» Брюса Эндрюса и Аркадия Драгомощенко. Автором выделяются универсальные и специфические (системно-обусловленные и идиостилевые) черты проявлений лингвокреативности в анализируемых текстах.

Ключевые слова: «языковая поэзия», языковая игра, метаязыковая рефлексия, некаламбурное совмещение значений, морфодеривационные трансформации.

Американская «Языковая школа поэзии» (*the L=A=N=G=U=A=G=E School of Poetry*) объединила нескольких авангардных поэтов, период совместной деятельности которых пришелся, в основном, на 70–90 гг. XX века. Одна из отличительных черт объединения – тесная взаимосвязь творческой практики с метаязыковой и метапоэтической рефлексией. Метапоэтические и метаязыковые размышления философского, литературно-критического, авторефлексивного типа представлены на страницах журналов *L=A=N=G=U=A=G=E* и *THIS magazine*, основная цель которых состояла в обосновании «поэтической филологии» «Языковой школы». Метатексты «языковых поэтов» затрагивают широкий спектр лингвофилософских и лингвопоэтических вопросов о наличии особой языковой реальности, о соотношении языка и мышления, об устройстве языка-кода, определяющего поэтический текст, о взаимосвязи поэтического содержания и поэтической формы.

Аркадия Драгомощенко (1946–2012 гг.) называют русским «языковым поэтом». Он был лично знаком с представителями

«Языковой школы» и переводил многих современных американских поэтов. В свою очередь, его книги «Описание» и «Ксения» были изданы в США в переводе Лин Хеджинян. Творчество А. Драгомощенко отличает характерный для «языковых поэтов» лингвоцентризм, стремление «пересоздать» язык. В его понимании «...поэтический текст образуется как пространство, пресекающее «границы» вовлеченного в действие языка в ходе отклонения и катастрофического «столкновения» единиц смысла» [Драгомощенко 2005].

Автометаописания «языковых поэтов» (Ч. Бернштейна, Б. Эндрюса, Р. Силлимана, Р. Гренье, С. МакКафферы, А. Драгомощенко) продолжают традицию «сложностного» теоретического дискурса французских постструктуралистов, чье влияние на свое творчество и лингвофилософское мировидение они неоднократно подчеркивали. Стилистический потенциал отбора лексики (в частности, использования высокопарной, редкоупотребительной поэтической, архаической лексики и узкоспециальной научной терминологии) и богатая тропика метатекстов «языковых поэтов» требуют отдельного лингвистического анализа. Остановимся на описании лингвистических механизмов языковой игры (ЯИ) в метатекстах «языковых поэтов» Брюса Эндрюса (эссе «Текст и контекст» (*Text and Context*) [Andrews 1980] и «Кодовые слова» (*Code Words*) [Andrews 1978]) и Аркадия Драгомощенко (эссе «Тень чтения» [Драгомощенко 1994а], «Эротизм за-бывания» [Драгомощенко 1994б], «Я в(ь) Я» [Драгомощенко 1994с]).

Очевидным общим приемом ЯИ в текстах анализируемых эссе обоих поэтов является окказиональная интерпретация взаимосвязи фонетического облика слова и его содержания. Естественное для поэта трепетное отношение к звуковой составляющей смыслообразования активно проявляется и в их прозаических текстах. Чаще всего фоносемантическое обыгрывание слова или сочетания слов преследует конкретную прагматическую и/или стилистическую цель: как отмечает Т.А. Гридина, происходит «моделирование определенного содержания и различного рода экспрессивно-оценочных коннотаций на базе фонетической мотивации» [Гридина 1996: 98]. Так, например в предло-

жении *Вместе с рушащимся обещанием происходит разрушение некоторых пределов, средостений, порядка* [Драгомощенко 1994a], объединяя паронимы (*рушащимся – разрушение*) и паронимазы (*рушащимся – обещанием*), автор «закрепляет» свою отрицательную оценочную квалификацию описываемой им «иерархической структуры репрезентации мира».

У Б. Эндрюса прием окказиональной паронимастической замены корня слова также используется для выражения отрицательной оценки:

The constitutive rules of meaning are not taking words away from us. We can create those rules as we go along, and as we return, centrifugally, to center, centering, to surface, to degree zero, to sea level. We are urged back by the absence of imposed escapes! A semantic normality – a norm-iness (a worminess) is one such escape [Andrews 1980].

В данном примере окказиональное смысловое сближение фоносемантов служит средством выдвижения внутрисловных ассоциативных связей слова *worm* (в частности, отрицательных коннотаций – *something that penetrates and injures; any disease or disorder arising from the presence of parasitic worms*) и их переноса на понятие *norm*. В результате в интерпретации Б. Эндрюса семантическая нормативность (*semantic normality*) представляется как *norminess/worminess* ($\approx$ червивость, пораженность глистами). Такая контекстно выводимая оценка языковой нормативности актуализируется на фоне неузуального авторского словообразования. Лексический окказионализм *norminess* является окказионализмом «первой степени» (в терминах Н.Г. Бабенко) – «стандартным, потенциальным образованием, созданным в полном соответствии с деривационными нормами литературного языка» [Бабенко 1997: 15]. Возможно, на фоне эксплицитного присутствия в тексте узуальной мотивирующей основы окказионализма обнажается авторское видение избирательности и парадоксальности нормативного словообразования в языке.

Еще одна общая черта метатекстов русского и американского поэтов – высокая производительность в создании словообразовательных окказионализмов, выступающих средством авторской номинации. Чаще всего, как в случае с *norminess*, ав-

торы используют продуктивные словообразовательные модели, соответствующие деривационным нормам английского или русского языков. Так, в текстах Б. Эндрюса можно идентифицировать случаи окказионального образования слов с помощью деривации эквифинального типа (*a once-divided-but-now-fused Reader and Writer* [Andrews 1980], *our seemingly-liberating-but-actually-repressive genres of expression* [Andrews 1978]), сложно-суффиксального способа (*counter-commodification* [Andrews 1980]), суффиксации (*wordsome* [Andrews 1980], *wordness* [Andrews 1980], *eventism* [Andrews 1980], *otherliness* [Andrews 1980], *choicelessness* [Andrews 1980]), префиксации (*an unsituation* [Andrews 1978]). А. Драгомощенко для создания новых слов использует словосложение (*перво-письмо, само-собственность* [Драгомощенко 1994b]) и префиксально-суффиксальный способ (*вторение* [Драгомощенко 1994b], *досомненно* [Драгомощенко 1994c], *развоплощение* [Драгомощенко 1994c]). Также в его текстах мы отмечаем наличие окказиональных аппозитивных сочетаний, занимающих промежуточное положение между сложным словом и свободным словосочетанием: *память-основа* [Драгомощенко 1994b], *спрашивание-ответ* [Драгомощенко 1994b], *золото-язык* [Драгомощенко 1994a], *Бытие-Тайна* [Драгомощенко 1994a], *Цель-Означаемое* [Драгомощенко 1994a]. Авторские новые слова в прозаических эссе обоих поэтов характеризуются легкостью семантизации и ясностью коммуникативно-прагматических интенций их употребления в отличие от поэтических текстов, где идеалом «языковых поэтов» остается «затемненный текст» (*obscure text*), отличающийся частотным употреблением намеренных языковых (в том числе и словообразовательных) аномалий высокой степени окказиональности на фоне значительных нарушений коммуникативно-прагматических конвенций и принципов текстовой организации. Окказиональное словотворчество в метатекстах «языковых поэтов» служит средством нестандартной авторской номинации, которое, с одной стороны, в полной мере реализует коммуникативно-прагматические интенции авторов, а с другой стороны, особым образом манифестирует устройство их поэтической и языковой картины мира. В частности, в метатекстах «языковые поэты»

отстаивают свое видение потенциальности языка, трактовку языка как особой действительности, позволяющей поэту создавать собственный универсум посредством творческого акта именования.

Помимо области окказионального словообразования номинативные интенции авторов проявляются также в сферах нестандартного преобразования существующих языковых форм и значений. В случаях ЯИ, задействующей механизмы формально-семантического варьирования, мы отмечаем высокую степень обусловленности игровых стратегий особенностями системного устройства того или иного естественного языка. Так, аналитизм английского языка, чрезвычайно развитая полисемия, распространенность различных видов омонимии (в том числе омоформ и морфемной омонимии), глагольная широкозначность делают сферу лексической семантики чрезвычайно плодотворной для нестандартного самовыражения креативной языковой личности.

В метатекстах Б. Эндрюса языковая игра чаще всего построена с использованием лингвистического механизма *ассоциативного наложения* (термин Т.А. Гридиной), а именно через «обыгрывание многозначности или омонимии лексических единиц путем одновременной актуализации альтернативных возможностей интерпретации одной и той же языковой формы» [Гридина 1996: 20]. Такая «актуализация альтернативных возможностей» может происходить в различных вариантах каламбурного и некаламбурного совмещения значений. По мнению Анны А. Зализняк, следует разграничивать эти два явления, построенные на выдвигении лексической неоднозначности: «Если каламбур сталкивает и противопоставляет – безразлично, значения одного слова, омонимы или другие сходные вещи <...>, – то некаламбурное совмещение значений (возможное, заметим, только для разных значений многозначного слова, но не для омонимов), наоборот, их объединяет» [Зализняк 2004: 28]. В эссе Б. Эндрюса представлены, в основном, случаи некаламбурного совмещения значений разного типа. Например, в следующем контексте значения глагола *operate* (*to manage or use smth.* и *to bring about, effect, or produce, as by action or the exertion of force*

or influence) совмещаются по типу «сплава значений» (термин Анны А. Зализняк [Зализняк 2004: 30]):

Reading becomes the first production, rather than consumption – not a relay of an author’s vain transcriptions of a representational content. Reading operates the text, is a rewriting, a new inscription. The text erases «the distance between writing and reading, in no way by intensifying the projection of the reader into work <...> but by joining them» in a single practice [Andrews 1978].

Транслируя свое видение сложной взаимосвязи функций автора, текста и читателя в динамической ситуации текстового смыслопорождения, Б. Эндрюс добивается объединения двух значений слова *operate* в единое целое: «чтение использует (уже существующий) текст» и одновременно «чтение производит (новый) текст». По Эндрюсу, чтение есть «вступление в письмо», «переписывание», «новое вписывание» смыслов текста. Чтобы раскрыть свою синтетическую концепцию «чтения-письма», автор конструирует такой интенсифицирующий микроконтекст, который в свернутом виде содержит как минимум два основания потенциального переосмысления значений глагола *operate*, выделенного графически и синтаксически. В первых, значение *to manage or use smth.* («использовать») актуализируется в связи с введением в контекст лексемы *a rewriting*, и тут же на фоне фразы *a new inscription* проявляется значение *to bring about, effect, or produce* («производить новое»). Комплексному выражению значений глагола способствует экспрессивная синтаксическая организация предложения, в котором структурно «уравновешиваются» три сказуемых (*operates; is a rewriting; (is) a new inscription*) как равнозначные комментарии к одному топику (*reading*). Синкретический способ выражения характерен для поэтической речи (подробнее о синкретизме в поэзии см., например [Зубова 1989]). Очевидно, в своих метаязыковых высказываниях, выделяя *главное*, поэт стремится использовать привычный для него способ комплексного представления семантических дифференциальных признаков слова.

В другом примере происходит совмещение значений слова *trip* по типу семантического «мерцания» (термин Анны А. За-

лизняк), когда «попеременно обнаруживает себя то одно, то другое значение» [Зализняк 2004: 32]:

Commodities are sold, productions are forgotten. You feed on this vertical system – the comfort of a semantic presence that you no longer have the strength to get tired of, or wary of. You are learning the trip, forgetting, as in an amnesia, the character of the places you left. The medium, vertically, threatens to become the predominant message. Semantics: the souvenirs of tourism [Andrews 1980].

На фоне введения в контекст причастия *forgetting* и существительного *amnesia* актуализируется сленговое, переносное значение слова *trip* – *an instance or period of being under the influence of a hallucinogenic drug* – и выводимое из него значение – *the euphoria, illusions, etc., experiencing during such a period* (≈ «наркотическое опьянение, эйфория»). Во взаимосвязи с существительными *places*, *souvenirs* и *tourism* слово *trip* интерпретируется в своем прямом ядерном значении – *a journey or voyage* («поездка, путешествие»). Более того, при учете общей негативной оценки автором «комфорта семантической нормальности текста» легко прослеживается еще одно значение существительного *trip* – *a stumble; misstep; blunder* («препятствие»). Таким образом, в данном отрывке с помощью последовательной актуализации значений слова *trip* отрицательное отношение автора к нормативному «тексту-удовольствию», смысл которого легко поддается читательской реконструкции, получает комплексное выражение через ассоциирование с понятиями «туристическая поездка», «наркотическая иллюзия» и «препятствие, ошибка».

Таким образом, Б. Эндрюс активно пользуется предоставляемыми самим устройством английского языка возможностями по эксплуатации полисемии. Такое обыгрывание лексической неоднозначности в случае английского языка облегчается грамматическими факторами – неразвитостью флексий и бедностью словоизменительных форм, а также распространенностью примыкания как типа грамматической связи в словосочетании и предложении.

Аркадий Драгомощенко имеет в своем распоряжении язык другого грамматического типа. В процессе творческого воздей-

ствия на язык поэт не может не учитывать условия, заданные флективным строем русского языка: в частности, чрезвычайное разнообразие способов словообразования и словоизменения и высокую степень грамматической связанности в словосочетании и предложении через согласование и управление. В анализируемых эссе А. Драгомощенко мы отмечаем большое распространение случаев ЯИ, построенной на разнообразных воздействиях на морфемный состав слова. Характерную для русского языка словообразовательно мотивированную производность слова и многозначность аффиксов автор обыгрывает различными способами. Особенное распространение в эссе А. Драгомощенко получили следующие приемы:

- окказиональная сегментация слова с последующей окказиональной семантизацией полученных частей;
- окказиональная мотивация узуальных словообразовательных моделей;
- окказиональная интерпретация на основе «ложноэтимологической реноминации» (термин Т.А. Гридиной [Гридина 1996: 130]);
- окказиональная семантизация лексемы путем «словообразовательно-мотивационного перифраза» (термин Т.А. Гридиной [Гридина 1996: 160]);
- окказиональная семантизация и/или гиперсемантизация аффиксов.

Часто автор одновременно использует несколько из вышеперечисленных приемов по выявлению новых смыслов в многоуровневом строении словоформы. Например, такая конвергенция приемов наблюдается в следующем отрывке, содержащем авторский анализ коннотативных значений слова «память»: *Достаточно сказать, что русское слово «память» напыляется на восприятие несколькими семантическими слоями – 1) «имени» (по(и)мянуть-по-именовать, по-миновение-по-именование), отсылающим к именованию, как имению, т.е. владению, потому как именование есть введение в собственность, присвоение; – 2) личного местоимения первого лица, винительного / родительного падежа: «мя»; и – 3) «мен-ы», обмена (в частности знака на вещь), замыкающего топологию я-имени-имения в акт*

власти, подчинения и управления отстоящим, внешним, не имеющим «определенности» [Драгомощенко 1994b].

В первой «дефиниции» происходит переосмысление морфемного состава глагола *помянуть* путем его окказионального членения с одновременной фонетико-смысловой контаминацией (*по-(и)-мянуть*) и последующим присвоением глаголу нового номинативного содержания «владеть» на основе омофонических ассоциативных связей (*именование-имение*). Т.А. Гридина отмечает: «Заданный условиями ЯИ код фонеморфологического членения слова определяет возможность перехода от одного словообразовательного направления его интерпретации к другому в рамках тождества звуковой оболочки переосмысляемой единицы» [Гридина 1996: 125]. Далее в указанном примере в тексте А. Драгомощенко новые «направления интерпретации» задаются несколькими вариантами окказиональной сегментации существительных *имя (и-мя)* и *именование (и-мен-ование)* с присвоением частям этих существительных окказиональных значений (падежной формы личного местоимения *я* и *обмена*).

В другом случае прием окказионального членения слов дополняется приемом гиперсемантизации приставок «со-» и «раз-»: *Мне не снятся сны. Возможность – есть средостение, создающее все территории. Кленовый лист из Чернобыля достигает по слухам метра с чем-то в ширину. Какого размера достигает «я» из этого места? Либо, где складываются эти местности, очевидно превосходящие привычные размеры, пространства...или же времена? Но если о снах, то они мне снятся, однако я забыл все и продолжаю все забывать, – не в этом ли совпадении с миром моего сознания, исключаящего себя из «со-»? – ежечасно обретая то, что было лишь миг назад забыто мною? Все мое прошлое просачивается сквозь поры непамяти. Вероятно, зеркало все же было разбито (забыто), разъ-я-то в я-в(ь), и вместо того, чтобы глаза сошлись с глазами, уверовав навсегда в «я учу я», – некто, имеющий естественное право утверждать, что он – это он, в произнесении «я» предпочитает наугад иное [Драгомощенко 1994с].*

Результатом актуализации значений лексем *создающее, совпадение* и *сознание* становится гиперсемантизация приставки

«со-», которой в данном контексте приписываются значения не только «общего участия, общей принадлежности», но и дополнительные значения «единства» и «завершенности». Далее с помощью фоносемантического ассоциирования лексем *разбить* и *забыть*, а также окказиональной сегментации лексем *разъято* и *явь* выдвигаются подвергаются такие значения приставки «раз-», как «распределение, дробление», «усиление интенсивности», «увеличение (охвата)». В условиях более широкого контекста приставка «раз-» приобретает символическую значимость, становясь средством выражения идеи дискретности человеческой самости: далее в тексте возникает окказионализм *развоплощение*, интерпретируемый как *воз-вращение «я» в точку размыкания линий всех без исключения перспектив* [Драгомощенко 1994с]. Таким образом, приставки «со-» и «раз-», выступая как своеобразные «реляторы» синтагматических внутрисловных и контекстных (междусловных) взаимодействий, манифестируют направления семантического ветвления, задаваемого автором.

В большинстве случаев в текстах А. Драгомощенко новые направления смысловой интерпретации морфемного состава слов маркируются графически – с помощью дефиса и/или скобок. Автор, следуя собственному «протоколу деконструкции», задающему окказиональные смысловые переносы, предлагает свое парадоксальное прочтение существующих в языке форм и значений. Семантическая деконструкция осуществляется А. Драгомощенко как средствами переосмысления элементов узуальной словообразовательной структуры слова с сохранением нормативной делимости слова на морфемы, так и средствами аномальной морфемной сегментации. Но в любом случае новое содержание моделируется автором на фоне осознания системно заданных (узуальных и потенциальных) словообразовательных моделей русского языка, устанавливающих сложную взаимосвязь лексических и грамматических значений.

Таким образом, проведенный анализ эссе Б. Эндрюса и А. Драгомощенко, служащих средством выражения метаязыковой и метапоэтической рефлексии авторов, позволяет сделать следующие заключения:

Тексты Б. Эндрюса и А. Драгомощенко характеризуются разнообразием форм проявления лингвокреативного мышления. Языковая игра выступает как конструирующий принцип структурно-содержательной организации метаязыкового дискурса обоих авторов.

В анализируемых текстах обнаруживается динамическое равновесие универсальных и специфических проявлений лингвокреативности. Универсальность творческого преобразования языка выражается в способности языковой личности моделировать самые разнообразные неконвенциональные контексты употребления и восприятия единиц языка, эксплуатируя универсальное свойство асимметрии языкового знака. Специфичность лингвокреативности заключается в различных влияниях типологического устройства системы того или иного языка на реализацию конкретных приемов ЯИ.

В анализируемых эссе специфические признаки системно-языковой обусловленности операциональных механизмов ЯИ проявляются как эксплуатация авторами наиболее выдающихся и распространенных элементов языковых систем, находящихся в их распоряжении, в частности лексической полисемии аналитического английского языка и лексической деривации флективного русского языка.

Отметим, однако, что поэтическое творчество «языковых поэтов» демонстрирует гораздо более широкий диапазон операциональных механизмов ЯИ, задействующих в равной степени и ядерные, и периферийные элементы и явления соответствующих языковых систем. Это объясняется совершенно иной коммуникативно-прагматической установкой авторов поэтического текста. «Языковая поэзия» позиционируется авторами как средство расширения языковой нормы и узуса, как трансгрессивный прорыв в новые языковые возможности через создание множественных ветвлений траекторий смыслопорождения. Отсюда стремление к максимальному остранению языковых форм и значений, а в радикальном варианте – семантизация бессмыслицы, фонетической зауми и «словесной крошки». В своих прозаических высказываниях «языковые поэты» не сопротивляются «конвенциям обыденной речи». Рассуждая о поэзии и языке,

они стремятся к прагматически успешной коммуникации с читателем и демонстрируют своеобразное *thinking for speaking* («мышление для речи»), учитывая необходимость соотноситься с лингвистическими требованиями конкретного языка в процессе выражения мысли. При этом определенные прагматические эффекты моделируются через обыгрывание тех системных свойств этого языка, которые сознательно или бессознательно трактуются авторами как ключевые, имеющие решающее значение в языковом смыслопорождении.

К специфическим чертам проявления лингвокреативности в анализируемых эссе следует также отнести очевидные идиостилевые предпочтения авторов в выборе операциональных приемов ЯИ. Так, например, из всего многообразия возможностей окказионального словообразования Б. Эндрюс чаще всего выбирает суффиксацию, а творческое формально-семантическое варьирование слова в большинстве случаев осуществляется им посредством некаламбурного совмещения значений полисеманта. При этом, американским автором практически игнорируется лингвокреативный потенциал, например конверсии (чрезвычайно распространенного в английском языке высокопродуктивного способа словообразования), омонимии и синонимии. А. Драгомощенко разными способами обыгрывает фономорфологические стереотипы восприятия слов через новое смысловое наполнение узувальных или трансформированных морфодеривационных моделей, не уделяя внимания, например, эстетико-эвристическим возможностям окказиональных морфологических формоизменений. Очевидно, что такая когнитивная избирательность в использовании операциональных механизмов ЯИ аффицирована устройством индивидуального языкового сознания и условиями осуществления лингвокреативной деятельности. На наш взгляд, для дальнейшего лингвистического изучения представляет интерес проблема взаимосвязи возможностей ЯИ, заданных системой конкретного языка, и формальных лингвистических характеристик ЯИ определенного автора в таких системно заданных условиях (его лингвокреативного идиостиля).

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Н.Г. Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ. – Калининград, 1997.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург, 1996.

Драгомощенко А. Memory Gardens // Новый Берег. 2005. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2005/10/dra21-pr.html> (дата обращения: 15.04.2013).

Зализняк Анна А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 20–45.

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л., 1989.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Драгомощенко А. а Тень чтения // Фосфор. – СПб., 1994. С. 169–185. URL: <http://vavilon.ru/texts/drago1-9.html> (дата обращения: 28.04.2013).

Драгомощенко А. б Эротизм за-бывания // Фосфор. – СПб., 1994. С. 150–159. URL: <http://vavilon.ru/texts/drago1-7.html> (дата обращения: 28.04.2013).

Драгомощенко А. с Я в(ь) Я // Фосфор. – СПб., 1994. С. 129–140. URL: <http://vavilon.ru/texts/drago1-5.html> (дата обращения: 28.04.2013).

Andrews B. Code Words // L=A=N=G=U=A=G=E magazine. 1978. URL: <http://eclipsearchive.org/projects/LANGUAGEN6/pictures/019.html> (дата обращения: 02.05.2013).

Andrews B. Text and Context // L=A=N=G=U=A=G=E magazine. 1980. Supplement 1. URL: <http://eclipsearchive.org/projects/LANGUAGESUPP1/pictures/019.html> (дата обращения: 02.05.2013).

© Устинова Т.В., 2013